

— А. Н. ВЕРШИНСКИЙ —

ВСЕВОЛОД БОЛЬШОЕ ГНЕЗДО ИЗ РОДА МОНОМАХА

Византийские уроки Владимирской Руси

Анатолий Николаевич Вершинский Всеволод Большое Гнездо из рода Мономаха. Византийские уроки Владимирской Руси

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67224098

*Всеволод Большое Гнездо из рода Мономаха. Византийские уроки
Владимирской Руси. / Вершинский А. Н.: Алетейя; Санкт-Петербург;
2022*

ISBN 978-5-91419-955-2

Аннотация

Среди исторических деятелей заслуживают особого внимания те, кто силу и авторитет власти использовал для процветания родной земли, кто в разобленном мире достигал стабильности правления благодаря согласию с народом. Один из таких выдающихся государственных мужей – владимирский великий князь Всеволод Юрьевич Большое Гнездо (в крещении Дмитрий, 1154-1212). Сообщения летописцев о нем содержат пробелы. Воссоздать пропущенные страницы ранней биографии князя, выявить значение его царьградской ссылки, прояснить причины возвышения и характер власти, осмыслить византийский опыт, усвоенный им и его землей – Владимирской Русью, призвана эта книга. Основанная на первоисточниках и трудах ученых-

медиевистов, она сочетает строгость предметного исследования с доступностью изложения, написана живым, образным языком, богато иллюстрирована, рассчитана как на специалистов, так и на широкого читателя и может быть полезна школьникам и студентам, изучающим историю России.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Введение	7
Глава 1	14
Планы и опасения	15
Поборники единства	20
Корни раздора	25
Приют для изгнанников	31
Нецарская родня	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

**Анатолий Вершинский
Всеволод Большое Гнездо
из рода Мономаха.
Византийские уроки
Владимирской Руси**

© А. Н. Вершинский, 2014

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2014

Введение

Чье имя вынесено в заглавие книги, пояснять не надо. Мономашич Всеволод Юрьевич, в крещении Дмитрий, по прозвищу «Большое Гнездо», известен всем со школьной скамьи. Но учебник истории на детали скуп, а полная, достаточно подробная и непредвзятая биография этого выдающегося деятеля Средневековой Руси до сих пор не написана¹. И хотя Всеволод, получив образование в Византии, стал одним из проводников ее культуры в восточнорусских землях, эта роль его не раскрывается исследователями должным образом – обычно она лишь упоминается. Нельзя «расширить» сообщения летописцев, умолчавших по тем или иным причинам о некоторых эпизодах жизни князя и прежде всего – о его пребывании в Константинополе, но можно попытаться воссоздать такие эпизоды по косвенным данным. Не удастся в большинстве случаев документально подтвердить, какие приемы и навыки того или иного мастерства были позаимствованы русскими у византийцев, а какие – собственное изобретение русских, но сопоставление известных фактов и событий позволяет выстроить между ними причинно-следственную связь. Это – к вопросу, что за тема обозначена в подзаголовке книги.

Несколько слов о структуре издания. В книге семь глав.

С первой по шестую главы построены как тематически связанные и сюжетно законченные очерки, так что знакомиться с ними можно в любом порядке. Но проще и вернее – в той последовательности, в какой они даны. Седьмая глава особенная: по сути, это жизнеописание героя в виде хронологии, с реконструкцией тех событий и дат, о которых не сообщают летописи. С одной стороны, завершающая глава самоценна, с другой – раскрывает свое значение полностью лишь в контексте содержания всех предыдущих глав, подводя итог изложенным в них изысканиям автора. Поэтому читать седьмую главу рекомендуется напоследок.

Книга основывается на достоверных источниках – средневековых летописях, других надежных свидетельствах эпохи, а также на трудах ученых-медиевистов. Частые ссылки на использованную литературу пригодятся наиболее дотошным читателям (например, школьникам, готовящим рефераты по истории России, или студентам, подбирающим материалы для курсовых работ).

Выдержки из иностранных текстов даются в переводе на русский язык. Летописи и другие памятники отечественной словесности цитируются, как правило, на языке оригинала, в упрощенной транслитерации. Нетронутым остается ъ (*ep*) в середине и конце слова: в древности эта буква была не просто разделительным знаком – она отображала на письме редуцированный гласный заднего ряда [ъ] – сверхкраткий звук типа *o*. Аналогично буква ь (*epь*) не просто смяг-

чала предшествующую согласную, но обозначала редуцированный гласный переднего ряда [ь] – сверхкраткий звук типа *e*. До падения редуцированных² носители древнерусских говоров умели различать на слух и произносить эти звуки. Негоже обеднять их речь, донесенную до нас древними летописями. Не подлежит замене Ъ (*ять*), обозначающая долгий гласный звук, средний между [e] и [и]; сохраняется буква **і** (*и-десятиричное*). Другие вышедшие из употребления буквы кириллицы заменяются буквами современного русского алфавита. Диграф **оу**, которым, следуя греческой традиции, русские книжники обозначали звук [y], сохранен. Вместо диграфа **ѣі** пишется произошедшая из него буква **ѣ**. Сокращения под титлами раскрываются; выносные буквы вносятся в строку, пропущенные – восстанавливаются и записываются в квадратных скобках; обозначенные буквами числа передаются арабскими цифрами.

Отчества русских князей приводятся в изначальной краткой форме – так, как зафиксированы в летописных сводах (без позднего суффикса – **ов-**): «Святославич», «Ярославич», «Всеволодич». Соответствует источникам (там, где это уместно) и терминология. Например, в летописях отсутствуют «княжества» – есть «земли», «княжения», «волости». Именно эти исконные, подлинные обозначения русских владений употребляются в книге. В то же время широко применяются условные, не исторические, но «историографические» наименования стран: «Византия»³, «Киевская Русь»⁴,

«Волжская Булгария» и т. п.

Датировка летописных событий уточнена с учетом изысканий отечественных историков – в первую очередь Н. Г. Бережкова (1886–1956), и об этом стоит сказать подробнее.

В Византии началом года считалось 1 сентября, на Руси до 1492 г. – 1 марта. Даты византийской эры (от сотворения мира), которыми предваряются известия в русских летописных сводах, указывались разными источниками этих известий в различающихся календарных стилях – мартовском (с отставанием на полгода от сентябрьского стиля) и ультрамартовском (с опережением). Таким образом, ультрамартовская датировка на год «старше» мартовской. До начала XII столетия русские книжники пользовались преимущественно мартовским стилем, в XII–XIII вв. стали широко применять ультрамартовский. В летописных сводах, собравших известия многих источников, оба стиля перемешаны, и определить где какой – задача нетривиальная.

Эта задача даже не ставилась в XIX – начале XX в., когда увидели свет первые тома Полного собрания русских летописей. Историки отрицали сам факт существования в Средневековой Руси ультрамартовского стиля и все отступление от мартовской датировки летописных известий считали ошибками тех, кто летописи создавал, сводил и переписывал⁵. (Хотя не редкость и такие ошибки.)

В изданиях русских летописей на полях страниц приводится обозначение лет от Рождества Христова: эту дополни-

тельную хронологическую сетку составили специалисты, готовившие летописи к печати. Перевод дат византийской эры на современное летоисчисление сделан по правилу, выведенному для мартовского стиля: из числового обозначения года от сотворения мира вычли 5507, если событие произошло в январе или феврале, и 5508 – для оставшихся 10 месяцев. Ультрамартовская дата должна уменьшаться еще на единицу. Историки, как уже отмечалось, таковых дат не признавали, все даты считали мартовскими, и в каждом случае, когда погодная статья на самом деле датировалась летописцем по ультрамартовскому стилю, возникла ошибка в +1 год. Расстановка лет от Р. Х. на полях опубликованных летописей позволяет читателю быстро ориентироваться в тексте, не утруждая себя ежеминутными арифметическими вычислениями, и она же, как видим, нередко «обманывает» читателя.

Чтобы упорядочить датировку летописных событий, потребовалась кропотливая работа хронологов⁶. Как ни странно, ее результаты до сих пор учитываются не всеми исследователями; к тому же летописи переиздаются в прежней редакции: в сегодняшних перепечатках и публикациях в электронном виде попросту копируются издания прошлых лет – без должных уточнений и комментариев. (Позиция издателей таких перепечаток во многом оправдана: оригинальные издания летописей и репринты 1960-х гг. стали библиографической редкостью. Общее мнение своих коллег выра-

зил главный редактор издательства «Языки славянских культур» А. Д. Кошелев в предисловии к новому репринтному изданию ПСРЛ, начатому в 1997 г.: «К сожалению, среди историков мы не встретили широкой поддержки данного издания. Некоторые из них даже выступили против него, считая целесообразным готовить прежде всего новые научные издания. Конечно, такие издания были бы весьма желательны. Однако, учитывая нынешнее положение научных институтов, состояние библиотек и музеев, вряд ли следует ожидать здесь быстрого прогресса. Поэтому сейчас главная задача нам видится в том, чтобы сделать рукописные памятники доступными широкому кругу исследователей. И тогда научные издания не заставят себя ждать»⁷.) В результате давнишние хронологические просчеты по сию пору тиражируются в книгах и периодике. Такие «неправильные» даты автором скорректированы, по каковой причине могут не совпадать с теми, что приводятся в устаревших учебниках и справочниках.

Важная содержательная часть книги – многочисленные иллюстрации: репродукции старинных миниатюр, икон, мозаик и фресок, фотографии архитектурных сооружений и скульптур, старинных артефактов и реликвий. Эти изображения снабжены подробными пояснительными подписями и познавательны сами по себе, но полностью их смысл и значение раскроются в сочетании с текстом глав, к которым они относятся. И уж если книга у вас в руках, то ограничиваться

просмотром «картинок» не стоит.

Глава 1

Царьградский «ссылнопоселенец»

Младший сын Юрия Долгорукого Всеволод Большое Гнездо, прозванный так за многодетность, собственное детство провел на чужбине, будучи выслан за пределы отечества вместе с матерью, вдовствующей княгиней, и другими ее сыновьями. Страну, которая приютила изгнанников, на Руси называли «Греческим царством», сама же она себя величала «Империей римлян»⁸. И была ли эта страна чужой для русского княжича, нам еще предстоит разобраться.

Планы и опасения

Согласно известию Тверской летописи, источника сравнительно позднего, Всеволод Юрьевич родился 19 октября 1154 г.⁹ Крестили княжича в честь святого великомученика Димитрия Солунского, а мирское имя к нему перешло от знаменитого прадеда – Всеволода Ярославича, титуловавшегося «князем всея Руси».

Участь потомка славного рода казалась безоблачной. С третьей попытки Юрий Владимирович, ростово-суздальский князь, утвердился на киевском троне и всех девятерых наследников от обоих браков наделил волостями: взрослых рассадил по южнорусским столам, а самым юным, Михалке и Всеволоду, завещал Ростов и Суздаль.

В 1157 г. Юрий Долгорукий скоропостижно скончался, и в Залесской земле¹⁰ княжить стал по воле горожан старший из его живых сыновей – Андрей Боголюбский. Судя по тому, что случилось дальше, его договор с городскими общинами не предусматривал дробления власти.

Ипатьевская летопись под 6670 (1162) г. сообщает: «...выгна Андрѣи епископа Леона исъ Суждаля, и братью свою погна, Мьстислава и Василка, и два Ростиславича, сыновца своя, мужи отца своего переднии, се же створи, хотя самовластець быти всѣи Суждальской земли. Том же лѣте идоста

Гюргевича Царюгороду Мьстиславъ и Василко съ матерью, и Всеволода молодого пояша со собою третьего брата.»¹¹.

В летописи по Воскресенскому списку это известие повторяется почти дословно; существенное отличие состоит в том, что в числе изгнанников назван еще один единокровный брат Андрея – Михалко¹².

Историки относят упомянутые события ко времени около 1161 г.¹³ Всеволоду было в ту пору примерно семь лет, и никто не мог предполагать, что Русь покидает будущий великий князь владимирский.

Следующее появление нашего героя на страницах летописей связано с конфликтом далеко не бескровным. Зимой 1168/69 гг. мы видим 14-летнего Всеволода в числе соратников Андрея Боголюбского, идущих под началом его сына Мстислава на Киев¹⁴. В роду покойного Юрия Долгорукого, чей первенец Ростислав скончался в 1151 г., главенство Андрея Юрьевича неоспоримо: младшие братья, сыновья и племянники подчиняются ему безоговорочно. После взятия города 8 марта 1169 г. на «золотой киевский стол» по воле Андрея садится его полнородный брат Глеб, а Всеволод остается при Глебе, у которого уже подвизается в роли служилого князя Михалко. Позже, в начале 1173 г., Всеволод и сам побудет у власти в Киеве. Правда, недолго: пять недель.

Забота Глеба Юрьевича о высланных из Суздальской земли братьях может навести на мысль о родстве его с ними бо-

лее близком, чем единокровное. Действительно, в некоторых генеалогических справочниках и работах историков Глеб называется сыном Юрия Долгорукого от второго брака, то есть признаётся полнородным братом не Андрея, но изгнанных им младших Юрьевичей. Генеалог и геральдист Е. В. Пчелов убедительно показал, что Глеб родился от первого брака Юрия; сыновьями от второй жены были (в порядке старшинства) Мстислав, Василько, Михалко, Всеволод¹⁵.

Куда же подевалась к 1169 г. вражда Андрея Боголюбского к потомству мачехи и сыновьям Ростислава? Да и была ли вражда? Какова реальная подоплека высылки его единокровных братьев и племянников? Где они жили и чем занимались в изгнании? И почему в одном «проскрипционном списке» с родственниками Андрея, с ближними боярами покойного его отца оказался ростово-суздальский владыка? Начнем с последнего вопроса.

Киевский назначенец Леон, выходец из Византии, был удален из Суздаля уже вторично. Ранее, в 1159 г., за чрезмерное усердие в сборе податей с церковью его «выгнаша Ростовци и Суздальци», то есть на общем собрании постановили сместить с епископской кафедры и выдворить за пределы Залесской земли представители двух старейших ее городов. Изгнанный по решению веча, Леон, видимо, сумел возвратиться. Историк и археолог Н. Н. Воронин высказал мнение, что не устроивший горожан епископ мог найти приют и поддержку при дворе вдовы Юрия Долгорукого, которая к тому

времени вернулась из Киева в Суздаль с малолетними сыновьями и сохранившими верность их дому соратниками покойного мужа: «Вероятно, вокруг княгини группировались недовольные политическим курсом Андрея старые бояре, члены княжеской думы – “передние мужи” Юрия. В Суздале образовалась крайне опасная для планов Андрея группировка, которую усиливал теперь опальный грек Леон. Как показывают дальнейшие события, эта антикняжеская группировка имела поддержку за рубежами Владимирской земли, почему была особенно опасна. Андрей и решил покончить с ней одним ударом»¹⁶.

Какие планы Андрея Боголюбского имеются в виду? Прежде всего, его намерение учредить во Владимире, новой столице Залесской земли, отдельную от Киева митрополию во главе с угодным князю иерархом, русским родом. С такой просьбой Андрей Юрьевич обращался к Луке Хрисовергу, патриарху Константинопольскому. Летописи сохранили перевод грамоты, которую патриарх направил в ответ князю. В этом послании отказ учредить митрополию во Владимире мотивируется тем, что единая земля должна иметь одного архипастыря: «...отъяти таковой град от правды епископии Ростовския и Суждальския и быти ему митрополию не мощно есть то... понеже бо... не иная страны есть ни области таковой град... но тое же самое земли и области есть. в нейже едина епископия была издавна, и един епископ во всей земли той»¹⁷. Неназванной причиной отказа

явилось, очевидно, законное опасение Константинополя в том, что появление новой митрополии углубит разделение Руси, политически раздробленной, но духовно целостной, и усложнит контроль над церковной властью в ее землях, традиционно осуществляемый патриархатом через Киевского митрополита – как правило, византийского ставленника. В конце 1150-х гг., незадолго до того, как владими́ро-суздальский князь Андрей выступил со своей опасной инициативой, духовным и светским властям в Киеве с большим трудом, при поддержке патриарха, удалось избежать церковного раскола, которым грозило противоборство двух архиереев: смещенного с митрополичьей кафедры Клим^а Смолятича (1147–1155), русского родом, и сменившего его Константина I (1156–1158/1159), византийца. Недаром после этих событий знаменательно усложнился официальный титул главы Русской Церкви: «митрополит Киевский и всея Руси»¹³.

Поборники единства

Важно отметить, что наряду с Константинопольским патриархом к рассмотрению просьбы суздальского князя мог быть причастен и «греческий царь» – василевс Мануил I Комнин (годы правления 1143–1180). Исторически сложилось так, что исповедание Христовой веры первоначально утвердилось в пределах Римской империи, восточная часть которой на тысячелетие пережила западную, то теряя, то вновь обретая владения, но неизменно сохраняя целостность власти. «Как верховные правители Империи, в границах которой и существовала Вселенская Церковь, императоры в полной мере чувствовали свой долг перед Православием как православные владыки. Это привело к тому естественному состоянию дел, когда никакой формальной границы между церковной и общеполитической деятельностью как императоров, так и иерархов не существовало, византийским императорам, принадлежали административные прерогативы при определении границ епархий и патриархий, а также при поставлении патриархов и их отставке с кафедры»¹⁹.

Во 2-й половине XI в. власть церковной иерархии в Византии усилилась, императоры Дуки уже не вмешивались в дела духовного управления. Возврат к прежнему порядку произошел с воцарением Алексея I Комнина (1081–1118). Рядом своих новелл василевс регламентировал права и обя-

занности церковнослужителей, их взаимоотношения с мирянами, их продвижение по службе. Новелла 1107 г. гласит: «Мое императорское могущество, пользуясь правом, разрешаемым святыми канонами, изволило постановить, что ни один епископ отныне не будет возводим в высший сан архиепископа или митрополита иначе, как по собственному всякий раз побуждению императора,»²⁰.

Разумеется, обязательства перед Церковью василевсы могли выполнять беспрепятственно лишь на территории самой Византии. Но Церковь была едина и в державе ромеев, и в сопредельных православных странах, поэтому проблемы зарубежных митрополий, подчиненных Константинопольскому патриархату, тоже заботили императоров – независимо от степени их политического влияния на государства, чье население окормляли эти митрополии. Что касается внука Алексея I – Мануила I Комнина, то хорошо известно его ревностное отношение к вопросам веры: император «не раз участвовал в богословских спорах, отстаивая истины Православия и вынося на суд епископов спорные суждения»²¹. Не обошлось без его участия и дело Леона.

События развивались так. Повторно изгнанного (на сей раз Андреем) епископа пришлось принять обратно, но в Суздаль князь его не пустил, поселил в Ростове. Вскоре Леона обвинили в ереси по вопросу о порядке постов. Спор шел о том, разрешается ли скоромная пища в постные дни (среду и пятницу), если на них приходится господские или богоро-

дичные праздники. Леон не допускал никаких послаблений, что шло вразрез с обычной практикой. И был выдворен в третий раз.

Поддержанный противниками Андрея Боголюбского – черниговским князем Святославом Ольговичем и киевским Ростиславом Мстиславичем, изгнанник отправился к Мануилу, которого нашел «в Болгарии, на пути из похода на Венгрию. Перед лицом Мануила, любителя богословских дискуссий, произошел диспут о постах между Леоном и епископом болгарским Андрианом, который и “упрел” Леона»²². Так «ересь Леонтианьская» была посрамлена в присутствии императора, самому же Леону, в пылу «прения» «молвящую на цесаря», то есть допустившему полемический выпад в адрес василевса, досталось от охраны: «оудариша слугы цесаревы Леона за шью и хотѣша и въ рѣцѣ оутопити.»²³.

Собор в Киеве, созванный митрополитом Иоанном IV (1164–1169), очередным ставленником Константинопольского патриархата, также разбирал дело Леона. Обвинения суздальского князя, предъявленные его послом, митрополичий суд посчитал надуманными и Леона оправдал.

Лука Хрисоверг поддержал решение киевского собора. В том же самом послании, где Андрею под страхом отлучения от церкви запрещалось учреждать отдельную митрополию, патриарх настоятельно, не стесняясь резких выражений, призвал его вернуть «епископа, главу церковную и людскую», в Ростовскую епархию, «оправлен убо сии епископ

своим Собором... и оправдан есть нами, и в службу его с собою прияхом, и служил с нами»²⁴. Если же князь не станет повиноваться поучениям и наказаниям епископа, более того, опять начнет гнать этого Богом ему данного святителя и учителя, в таком случае – хоть бы весь мир наполнил он церквами и городами – «то не церкви, то хлеви.»²⁵.

Увещевания патриарха достигли цели: в дальнейшем ни Андрей Боголюбский, ни его преемники на владимирском троне уже не покушались на единство церковной власти в русских землях. И стольный город обширного Залесского края стал центром митрополии не в ущерб целостности этой власти. В конце XIII в. митрополит Максим перенес резиденцию из разоренного монголами Киева сначала в Брянск, затем в Суздаль, а в 1299 г. – в заново отстроенный Владимир на Клязьме. Но титул у владыки долго оставался прежним, и власть его распространялась на все русские епархии – от Сарайской на востоке до Галицкой на западе.

В 1458 г. Русская Церковь окончательно разделилась на две митрополии – самостоятельную Московскую, которая не признала Флорентийскую унию 1439 г., и Киево-Литовскую, вернувшуюся под юрисдикцию Константинополя. С 1461 г. иерархи, занимавшие митрополичью кафедру в Москве, стали титуловаться *митрополитами Московскими и всея Руси*.

А за полстолетия до расколовшей православный мир унии, в 1389 г., соборное определение Константинопольского патриарха Антония подытожило четырехвековой опыт

церковного управления на Руси: «Изначала установлено, чтобы вся русская церковь была пасома и управляема одним митрополитом... так как великая русская земля разделена на многие и различные мирские княжества и на столько гражданских областей, что имеет многих князей, еще более [мелких] владетелей, которые не менее разделены по своим стремлениям, как по делам и местам, так что многие восстают и нападают друг на друга... то божественные оные отцы... принимая во внимание, что не на добро и не на пользу им будет, если и церковная область распадется на многие части, что, напротив, единый для всех митрополит будет как бы связью, соединяющею их с ним и между собою, установили там одну власть духовную, за невозможностию привести к единству власть мирскую»²⁶.

Последовательно отстаивая духовную целостность Руси, угасающая Империя словно бы готовила себе преемницу.

Корни раздора

Мысль историка о заговоре Юрьевых бояр, в центре которого оказалась мачеха Андрея Боголюбского, вдовствующая княгиня, – не более чем предположение. Реальная опасность если и грозила князю, то не сию минуту. Сначала должны были подрасти мачехины сыновья Михалко и Всеволод. Ведь именно им по «ряду» Юрия Долгорукого с городами Ростово-Суздальской земли – договору, скрепленному крестоцелованием, – предстояло княжить в ней после отца. Об этом обете, что дали Юрию горожане, вспоминает под 6683 (1174) г., уже после зверского убийства Андрея Юрьевича его придворными, владимирский летописец, причем ответственность за вокняжение Андрея в 1157 г. и высылку его единокровных братьев в начале 1160-х он возлагает на горожан, которые, крест «цѣловавше къ Юргю князю на меньших дѣтех, на Михалцѣ и на братѣ его, и преступивше хрестное цѣлованье, посадиша Андрѣа, а меньшая выгнаша»²⁷.

Корни этих событий уходят в 1130-е гг., когда в роду Мономашичей возник разлад, обернувшийся распадом отцовской державы.

Владимир Всеволодич Мономах княжил в Киеве с 1113 по 1125 г. Его преемником на киевском троне стал старший сын Мстислав, прозванный Великим. При нем еще сохранилось относительное единство Древнерусского государства.

Умер Мстислав Владимирович в 1132 г., «оставив княжение брату своему Ярополку», сидевшему до того в Переяславле Южном, «ему же и дѣти свои съ Богомъ на рущѣ предасть»²⁸. Именно с этой даты принято отсчитывать начало политической раздробленности Руси. (Правовые предпосылки ее раздела создал состоявшийся в 1097 г. Любечский съезд князей. Для прекращения удельных распрей потомки Ярослава Мудрого, пять его внуков и один правнук, договорились о прямом, от отца к сыну, наследовании княжеской власти в русских землях: «каждо да держитъ отчину свою»²⁹.)

Взойдя на киевский трон, Ярополк поспешил исполнить обещание, данное Мстиславу³⁰: перевел его сына Всеволода из Новгорода в Переяславль Южный, номинально третий после Киева и Чернигова город. Младших Мономашичей, Юрия и Андрея, возмутило это решение, ведь переяславльский стол по традиции открывал путь к великокняжескому трону. Значит, своим будущим преемником, в обход меньших братьев, Ярополк избрал племянника? Юрий предпринял попытки установить контроль над Переяславлем.

Разгоревшаяся междоусобица, в которую втянулись черниговские князья Ольговичи³¹, и неудачные попытки Ярополка унять пожар, перемещая родичей с одного стола на другой, привели к обособлению Полоцка и Новгорода. Их вечевые собрания выдворили ставленников Киева (сыновей

Мстислава) и призвали князей, угодных местным элитам. В Полоцк из византийской ссылки вернулся представитель здешней династии, в Новгороде начала складываться боярско-купеческая республика – торгово-аристократическое государство с верховенством выборной власти и ограниченными полномочиями князя, приглашаемого со стороны.

Способность к самоорганизации проявила и Ростово-Суздальская земля. Пока ее правитель утверждался в южнорусских землях, а с 1147 г. боролся за киевский трон, залесские общины управлялись с делами собственными силами. Горожане без княжьего догляда (изредка – под надзором его сыновей-наместников) достраивали заложенные Юрием укрепления, без его полков отражали набеги неприятеля (так, в 1152 г. ростовцы отбили от болгар Ярославль³²). И заранее присмотрели меж его наследников будущего князя.

Пребывая у власти в Киеве, Юрий Долгорукий передал старшим сыновьям княжения в Поднепровье, невеликие по размеру, но важные из-за близости к первопрестольному граду. Андрею, второму сыну Юрия, сначала достался Переяславль Южный, а затем, по смерти Ростислава, Юрьева первенца, – престижный Вышгород. Но Андрей Юрьевич нарушил волю отца и в 1155 г. вернулся в родную Залесскую Русь – по уговору с ее боярством, о чем свидетельствует статья «А се князи Русьстии», находящаяся в рукописи Археологической комиссии перед комиссионным списком Новгородской первой летописи: «Въ лѣто 6663. Приде из Ки-

ева... въ градъ Володимирь князь великийи Андреи Юрьевичъ безъ отця повелѣния, егоже лестию подъяша Кучковичи...»³³. (Бояре Кучковичи, влиятельные родственники жены Андрея, в переговорах с ним наверняка выступали не только от своего имени.) Во Владимире Андрей Юрьевич обосновался на правах удельного князя.

После кончины Юрия Долгорукого в 1157 г. «Ростовци и Суждалци, здумавше вси, пояша Аньдрѣя... и посадиша и (его. – А. В.) в Ростовѣ на отни столѣ и Суждали...»³⁴. Иными словами, правоспособные горожане, каковыми являлись главы семей свободных людей, на вече постановили отдать Андрею в княжение всю Ростово-Суздальскую землю. Так Михалко и Всеволод лишились отцова наследства и, не будучи князьями-изгоями³⁵, фактически оказались в ситуации таковых – в положении потенциальных искателей столов.

Вряд ли Андрей Юрьевич испытывал чувство вражды к малолетним братьям. Но братишки росли; завтрашних соперников надлежало устранить сегодня. Был избран самый гуманный вариант – ссылка. Удаляя княжичей за пределы влияния враждующих сородичей Рюриковичей и соперничающих городских элит, Андрей Боголюбский тем самым лишал своих противников возможности использовать по-прежнему права несовершеннолетних Юрьевичей как знамя в борьбе против его княжения. Вполне естественно, что с малыми детьми отбыла их мать, а сопровождали княгиню и ее

сыновей близкие им люди – советники и слуги покойного Юрия Долгорукого.

Были выдворены за пределы Залесской земли и другие единокровные братья Андрея – Мстислав и Василько Юрьевичи. У главы семейства, которым стал Андрей по смерти отца, обязанностей оказалось не меньше, чем прав: младшие родичи искали у старшего покровительства. и, разумеется, княжеских столов – «взамен» тех, что утратили оба: первый – в 1157 г. в Новгороде, второй – в 1161 г. в Поросье.

В схожей ситуации оказались Андреевы племянники Мстислав и Ярополк, сыновья покойного Ростислава Юрьевича. Первенцу его, Мстиславу Ростиславичу, тоже не повезло с Новгородом: в 1160 г. он занял в нем стол, в 1161-м был вынужден оставить. О втором сыне Ростислава, Ярополке, в летописях до 1162 г. сведений нет. Ясно одно: своего удела у него не было.

Итак, в начале 1160-х гг. в Суздальской земле создалась нетерпимая для властей ситуация: здесь прозябали (иначе сказать нельзя) шесть обездоленных потомков Юрия Долгорукого: четыре сына и два внука. Каждому из них был нужен стол, а значит, стольный город и, следовательно, управляемый этим городом удел. Но рассаживать по столам родичей, отдавать им в управление залесские волости суздальский князь не хотел, а возможно, по договору с горожанами, и не мог (делами в пригородах и на подведомственных им территориях управляли знатные бояре – тысяцкие и сотские,

и у них не было желания делиться с кем-либо властью). Вот и предложил старший Юрьевич братьям и племянникам поискать доли за пределами его княжения. Настоятельно предложил.

Очередное же выдворение ростово-суздальского епископа, вероятнее всего, просто совпало по времени с изгнанием родственников Андрея. У «гречина» Леона были свои «вины» перед князем и горожанами.

Приют для изгнанников

Злоключения Леона растянулись на несколько лет. Участь вдовствующей княгини, Андреевой мачехи, и ее сыновей решилась гораздо быстрее. Какое-то время они пожили в Поднепровье (вероятно, у сочувствующего им Глеба Юрьевича в Переяславле Южном), пока решался вопрос об их эмиграции в Византию. И, получив приглашение Мануила, отбыли в Царьград.

По мнению киевского летописца, решающую роль в событиях, изложенных в статье 1162 г., сыграл именно Андрей Боголюбский, желавший быть «самовластцем» «всей Суздальской земли». (Термин *самовластец*, позже *самодержец*, требует пояснения. Это калька с греческого *оготовкратюр*. Начиная с X в. звание «автократор» входит в официальную титулатуру византийских императоров: «василевс и автократор ромеев». В эпоху высокого Средневековья этот термин определял суверенного, то есть независимого от других государей, властителя, а вовсе не абсолютного монарха, каковое значение приобрел уже в Новое время.)

Владимирский летописец, осмысливая то, что случилось 12 годами позже, инициаторами высылки Андреевых родичей называет горожан. Видимо, истина по обыкновению лежит где-то посередине: и князь, и призвавшие его города в лице боярско-купеческой знати были равно заинтересованы

в этой превентивной мере. По их практическому разумению, тем самым они сохраняли установившееся равновесие княжеской и общинной власти, оберегая Залесскую Русь от усобиц, чреватых ее разделением.

Что любопытно, в Суздальской земле отъезд родственников Андрея Боголюбского остался в свое время как бы незамеченным. Более того, под 6670–6671 (1162–1163) гг. в Лаврентьевской летописи вообще нет записей. Надо полагать, изначально таковые были, но в них содержались сведения, «неудобные» для владимирской династии, и эти статьи пришлось удалить при последующей редакции.

Киевский же летописец под 1162 г. отметил не только факт изгнания Андреевых родственников, но и честь, оказанную им в Византии: «Том же лѣте идоста Гюргевица Царюгороду Мьстиславъ и Василко съ матерью, и Всеволода молодого пояша со собою третьего брата, и дасть царь Василкови в Дунаи 4 городы, а Мьстиславу дасть волость Отскалана»³⁶. Андреевы племянники, сыновья покойного Ростислава, не упомянуты в числе отбывших в Константинополь. Очевидно, они остались в Южной Руси. Неизвестна судьба «передних мужей» покойного Юрия Владимировича. По логике вещей, кто-то из них мог последовать за его детьми в Византию.

Среди отправившихся в Царьград не назван и Михалко. С начала 1168 г. его имя упоминается в источниках рядом с именем единокровного брата – переяславльского князя Гле-

ба Юрьевича³⁷. Воскресенская летопись прямо указывает, где Михалко обосновался, представляя братьев следующим образом: «Юрьевичи Глѣбъ и Михалко изъ Переяславля»³⁸ (Южного). В. Н. Татищев под 1169 г. называет владением Михалка Юрьевича Городец³⁹ Остѣрский – крепость, которая располагалась при впадении р. Остѣр в Десну (ныне г. Остѣр Черниговской обл. Украины) и принадлежала прежде Юрию Долгорукому.

Логично предположить, что после высылки в начале 1160-х гг. Михалко нашел приют у Глеба и стал его подручником. По возрасту он уже годился для походной жизни: генеалогические исследования показывают, что Михалко Юрьевич мог родиться либо между 1151 и 1153 гг., либо «самое раннее в 1149 г.»⁴⁰; в последнем случае ему в 1162 г. исполнилось бы 13 лет. Именно с этого возраста Владимир Всеволодич Мономах «трудился в разъездах и на охотах»⁴¹.

Из сообщения Татищева о походе 1169 г. на Киев следует, что Михалко в свою очередь приютил в Городце Остѣрском младшего брата – Всеволода, вернувшегося из Византии, и племянника – Мстислава. К сожалению, ценность известия снижается из-за неточности, допущенной историком. Перечисляя участников антикиевской коалиции, Татищев называет полные имена молодых князей: «Всеволодъ Юрьевичъ и сыновець его Мстислав Мстиславичъ изъ Городца»⁴². Ипатьевская летопись, самый ранний источник сведений об этой

кампании, именует Всеволодова племянника без указания отчества: «Мъстиславъ внукъ Гюргевь»⁴³. Очевидно, киевский летописец не боялся оказаться непонятым современниками: ему были известны лишь два внука Юрия Долгорукого с таким именем. Один из них, Мстислав Андреевич, возглавлял поход и потому поименован среди князей первым. Отчество другого Мстислава, которого летописец назвал в конце списка, автор «Истории Российской», вероятно, домыслил, ошибочно решив, будто речь идет о сыне князя Мстислава Юрьевича. Проясняет картину Воскресенская летопись: в ней среди участников похода на Киев представлен «Мстиславъ Ростиславичъ внукъ Юрьевъ»⁴⁴, то есть старший сын Ростислава, покойного брата Андрея Юрьевича, к тому времени сведенный в очередной раз с новгородского стола.

„Пройдут годы – и Ростиславичи, Мстислав и Ярополк, некогда разделившие участь изгнанников с младшими Юрьевичами, Михалком и Всеволодом, станут их непримиримыми соперниками в борьбе за власть в Залесской земле. Классический древнерусский сюжет: противостояние племянников и дядьёв!

Нецарская родня

Вернемся к старшим сыновьям Юрия (Георгия) от его второго брака. Свидетельство Ипатьевской летописи о том, что Василько получил владения в Восточной Римской империи, подтверждает византийский историк Иоанн Киннам. Описывая более поздние (1165 г.) события, он отмечает: «В то же время и Владислав, один из династов в Тавроскифской стране, с детьми, женой и всеми своими людьми добровольно перешел к ромеям. Ему была отдана земля у Истра, которую некогда василевс дал пришедшему Василику, сыну Георгия, который среди филархов Тавроскифской страны обладал старшинством»⁴⁵.

Не эта ли щедрость императора к пришельцу из Тавроскифии, как упорно называли ромейские книжники Русь, побудила позднейших летописцев, а вслед за ними историков сделать вывод о близком родстве Мануила со второй женой Юрия Долгорукого? Под 6670 (1162) г. Густинская летопись, старейшие списки которой относятся к последней трети XVII в., сообщает: «...пойдоста Мстиславъ и Василко и Всеволодъ Юрьевичи, со матерію, въ Цариградъ, къ царю Мануилу, къ дѣду своему; и даде имъ царь градовъ нѣсколко, да живутъ тамо»⁴⁶. Таким образом, составители Густинской летописи считали вторую жену Юрия дочерью Мануи-

ла I Комнина. В. Н. Татищев, комментируя благосклонность императора к ее сыновьям, заключил, что она «Греческая Принцесса была»⁴⁷.

Н. М. Карамзин, как и его предшественники, считал вторую жену Юрия Владимировича гречанкой, но усомнился в ее царском происхождении: «Вероятно, что вторая Георгиева супруга была *Гречанка*, ибо она уехала в Царьград; но Историки наши без всякого основания именуют ее Греческою Царевною Еленою. Родословная Византийского Императорского Дому не представляет нам ни одной Царевны Елены, на которой мог бы жениться Георгий.»⁴⁸.

Так ли важно знать, откуда происходит мать Всеволода? Русская она или гречанка (точнее, византийка), царица или княжна, это ничего не меняет в писаной биографии великого князя владимирского Всеволода Юрьевича Большое Гнездо. А в неписаной? Между упоминаниями о нем под 1162 и 1169 гг. – пробел, пустота. Можно ли реконструировать его жизнь в изгнании? Попытаться – можно. Как раз для этого и важно знать происхождение его матери.

Сначала отсечем крайности. Простолюдинку, неважно из каких земель, не взял бы в жены владетельный князь: люди Средневековья вступали в брак исключительно по расчету: экономическому, политическому, тому и другому. И принадлежали жених и невеста, как правило, к одному сословию, к одному социальному слою. Не была Юрьева нареченная и дочерью Мануила I Комнина. Действительно, тот ро-

дился в 1118 г.⁴⁹ (по другим данным, в 1123-м⁵⁰), и в 1162 г. у него попросту не могло быть взрослых внуков, способных управлять областями Империи. Оттого и появилась в исторической литературе новая версия: женой Юрия Долгорукого была сестра Мануила⁵¹. То есть дочь его отца, василевса Иоанна II Комнина, а значит, по-прежнему царевна. Ну а как же иначе? Разве может столь славный государь жениться на особе менее знатной? Но громкую свою славу Юрий Владимирович снискал не ранее 1140-х гг., когда включился в борьбу за киевский стол. А вторично женился, как убедительно показал современный исследователь, «где-то на рубеже 1120-х – 1130-х гг.»⁵², когда сидел в Суздале, куда перенес свою резиденцию из Ростова после смерти отца, Владимира Мономаха. В ту пору Волго-Окское междуречье представлялось византийцам сущим захолустьем. Никаких царевен бы не хватило, чтобы повязать августейшими узами всех властителей даже на границах Империи, не говоря уже о задворках «Тавроскифской страны»⁵³. Законное сомнение Карамзина в царском происхождении второй жены Юрия подтвердили позднейшие исследователи, не нашедшие в анналах византийской истории упоминаний об этом браке⁵⁴.

Если не царевна, то кто? Рассуждая о возможных матримонических притязаниях ростово-суздальского князя, не стоит забывать, что бабкой Юрия Владимировича по отцовской линии была дочь византийского императора Констан-

тина Мономаха, по коей причине Юрьев отец и получил свое знаменитое прозвище. Дату кончины Владимира Мономаха и предполагаемую дату второй женитьбы Юрия Долгорукого разделяет лишь несколько лет. За это время при дворе василевса Иоанна II Комнина (с чьим отцом Алексеем Владимир Всеволодич воевал за города на Дунае, а с ним, Иоанном, замирился и породнился) не могла развеяться память о подлинно великом князе земли Русской, не могли прерваться царьградские связи семьи Владимира, и новой супругой овдовевшего его сына должна была стать если не родственница, то хотя бы свойственница императора или иная знатная особа из его окружения.

Женитьба на царьградской «боярышне» не была зазорной для суздальского князя. Ведь и «своих» боярышень, а не только княжон брали в жены – из политической или экономической целесообразности – русские князья. Так, дочь богатого боярина Степана Ивановича Кучки, владевшего селами по реке Москве и казненного Юрием Долгоруким за оскорбление княжеского достоинства⁵⁵, была выдана замуж за его сына Андрея; Кучковы же «села красные», включая поселение, на месте которого вырос впоследствии город Москва, отошли к Юрию⁵⁶. Другой сын Юрия Владимировича, Мстислав (тот самый, что получит в управление таинственную «волость Отскалана»), княжил в 1154–1157 гг. в Новгороде и был женат на дочери местного боярина Петра Михалковича, игравшего одну из первых скрипок в нов-

городском самоуправлении. Внук Юрия Долгорукого Мстислав Ростиславич сочетался в 1176 г. вторым браком с дочерью другого знатного новгородца – боярина Якуна Мирославича. Генеалогически оправдать эти браки новгородских князей могло предполагаемое историками происхождение их невест от героя скандинавских саг ярла Рёгнвальда Ульвссона, чьей двоюродной сестрой была шведская принцесса Ингигерд (в крещении Ирина), вышедшая замуж за Ярослава Мудрого, а женой – старшая сестра норвежского конунга⁵⁷. Да и строптивец Кучка, полагают исследователи, был не простой боярин: скорее всего, он происходил из рода племенных князей-вятичей⁵⁸. И его проступком, судя по суровости наказания, явилось неисполнение долга вассала перед сюзереном.

Вторая женитьба Юрия Долгорукого, несомненно, имела политическую подоплеку. Генеалогическое обоснование этого брака, вероятно, также нашлось: если новобрачная не принадлежала к правящему роду (а клан Комнинов был весьма обширен), то таковой ее могли объявить: в истории международных связей Византийской империи подобные случаи известны⁵⁹

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.